

✘ Мария эскапкой
молодости... ✘

Алекс Муров

NO FUTURE

Алекс Муров

Марш жестокой молодости

«Издательские решения»

Муров А.

Марш жестокой молодости / А. Муров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839980-0

Три жизни. Три истории. Три молодых маргинала: Данила, Стас и Макс все вместе проживают в одном из спальных районов Москвы. Они дружно вступают в battle с полицией, протестуют против системы, влюбляются и ненавидят. Все парни очень разные, но объединяет их одно — презрение к продажным служителям закона, непонимание со стороны более старших поколений и неповиновение власти. Все они разрушают общепризнанные стереотипы и идут по жизни, показывая средний палец. Это их марш. Марш жестокой молодости! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-839980-0

© Муров А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1.Данила	7
2.Стас	11
3.Макс	14
4.Данила	17
5.Макс	22
6.Стас	26
7.Макс	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Марш жестокой молодости

Алекс Муров

Посвящаю тем кто был, кто есть и остаётся вечно молод...

© Алекс Муров, 2019

ISBN 978-5-4483-9980-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мы поколение, которое имеет своё мнение. Стереотипный обыватель, как и злой системный жандарм, категорично не желает с этим мириться... Это факт. Ну и ложили мы на них на всех. Плевали тысячу раз. Не, ну а чё?

Мощным ударом с правой по лицу, главный свиномордый отдела полиции, свалил меня со стула. Допрос перерастал в нечто худшее. Макс и Стас стояли за моей спиной в наручниках, как и я сам, а рядом с ними еще два мусорских подонка. Один из них, высокий скелет, увенчанный бритой башкой, оказался нашим районным поцом, по прозвищу Доберман. У нас на районе ходило немало легенд о его садистских наклонностях.

И зачем только мы поперлись тусить ночью рядом с отделом? Да и если бы в руках у Стаса не оказалось аэрозольного баллончика с красной краской, нас ни одна мразь бы не спалила и все могло бы быть совсем иначе. Нецензурное слово из трех букв со злым смайлом, не разозлило бы так граждан полицейских, а мы не находились бы сейчас здесь, пробуя на своей шкуре их гестаповские методы при общении с задержанными. Но если бы... Если бы мать его...

– И это наша молодёжь... – сказал главный, перегнувшись через свой рабочий стол ко мне, лежащему. – Будущее нашей страны... Сучата вы... Подонки...

Доберман подошел, поднял меня и снова усадил на стул за стол начальника полиции. Мой рот полон крови. Сто двадцати килограммовый свиномордый покачал головой, взглянув на моих друзей.

– Я б мог вас закрыть суки, по хулиганке. За то, что гадости про нас на крыльце намалевали. Но, жалко мне вам судьбу ломать, молодые ведь, глупые еще... Мозгов нихера нет в ваши девятнадцать лет...

Главный шлёпнул меня по правой стороне лица своей тяжелой мясной ладонью. Я сплюнул кровавую слюну ему на стол, прямо на бумаги.

– Животное... – тихо, сжав зубы, произнес от злости, Макс.

– Заткнись ушлепан! – рявкнул на него Доберман.

– Пошел ты скот! – выдал Макс. – Если б не наручники, я тебя щас здесь убил.

Макс – вспылчивый тап. Зря он это произнес вслух. С ними лучше только молчать, не перечить, не спорить, всё бесполезно, стопудово беспонтово, это каждый дурак знает, кто хотя бы раз к ним попадал. Мы попались по глупости и теперь нам предстоит веселенькая ночка. Черти рогатые теперь не слабо на нас оторвутся.

– Молодёжь... Молодёжь... Жизнь вас еще не учила. – произнес главный.

Я слышу, как моих друзей начинают жёстко прессовать.

– Ну, а за веселые злые икс игрек и экраткое ответить всё же придется... – начальник уходит со своего места, приближается ближе ко мне. – Шпана маргинальная!

Я смотрю на свиномордого, глазами полными презрения. Тот резко отвешивает мне в лицо с левой грабли и я снова падаю на кафельный холодный пол.

1. Данила

Мы вышли из мусарни под утро. На улице шёл мелкий дождь. Было довольно рано, но уже по-зимнему темно. Деревья вокруг черны и скоро потеряют пожелтевшую листву.

Стас поднял воротник полупальто с погонами на плечах, спасаясь от пронзительного ветра. Я натянул на брови свою топовую черную шапку. Макс даже спортивную синюю куртку свою не застегнул, оголив свою мускулистую шею и верх накаченной груди. Ни ветер, ни дождь ему были ни по чёму. Спортсмен, чё тут можно затереть... Брутал.

У всех у нас на лицах остались свежие напоминания о том, где, и с кем мы провели эту сентябрьскую ночь. У меня – небольшой синий фингал под левым глазом, у Стаса заметно распухла губа и слегка, заплыл правый глаз. Но, мы с ним еще легко отделались, ведь больше всех досталось Максиму. У него практически вся правая сторона бритой головы дико раздулась.

Спустившись по ступенькам вниз, мы напоследок оглянулись на «светлое» здание, в котором провели одну из самых неприятных ночей в наших молодых жизнях. Макс сплюнул на асфальт, и все трое отправились по домам, не говоря ни слова. Наверное, этот случай с камерой пыток мы постараемся вообще не обсуждать и не вспоминать. Отбросим его, как ящерица отбрасывает хвост, а боль в теле, физическая и ментальная пройдет, раны затянутся и все фингалы пройдут.

Я полностью застегнул молнию куртки, закрыв горло и свой счастливый медальон из серебра на шее, с надписью на нем «Star». Упакован я в рэпперском stile. Шапку не снимаю даже ночами, и даже когда я навсегда глаза свои закрою, прошу в гроб положить меня по любому только в ней. Я занимаюсь хип-хопом и влюблен в него до оргазма. Пишу и читаю текста. Музыкой начал заниматься еще с детства, в школьные годы владел баяном, осваивал уроки игры на гитаре, ставил вокал. Хотя в хип-хопе нужны совершенно другие мазы.

Когда-нибудь я обязательно буду выступать на самых крутых столичных стадионах, качать речетативом толпу, пропагандируя здоровый образ жизни, как это сейчас модно и борьбу с общепризнанными стереотипами. Революция stile!

Дан Кравцов будет с успехом исполнять свои хиты на радиостанциях и телевизору. Рубить по крупному капусту. Я всеми фибрами души верю в свое future. Через тернии к звездам. Вот мой way! Ведь полюбас, когда четко ставишь цель, постоянно удерживаешь в голове мысли о ней, она обязательно материализуется в жизни. Но, баста обо мне и эзотерике, я лучше расскажу о своих пацанах.

Макс Сазонов раньше серьезно занимался боксом. Реальный спортсмен. В отличие от нас со Стасом, тап он малость дикий и дерзкий. Я думаю, что таким сформировала его не самая лёгкая жизнь, ведь совсем недавно, буквально пару месяцев назад, он потерял старшего брата. Я со Стасом присутствовали на похоронах этого двадцати двух летнего паренька, и я своими глазами видел, в каком подавленном состоянии был Максим. После похорон он несколько недель провел в кататоническом трансе, из которого вышел совсем недавно. Мы так за него боялись... По его взгляду было заметно, что что-то внутри него умерло. Вообще, презрительно относиться к жизни, у него есть и другие вполне серьезные основания: его мать в тюрьме, отец и брат в могилах. По рассказам Макса, в каждом поколении Сазоновых, главы семьи погибали не своей естественной смертью, от старости. Прадеда Сазонова раскулачили и повесили красные в годы Revolution, деда – вора в законе, расстреляли в местах лишения свободы, отца Макса завалили ударом бейсбольной битой по голове. Я очень надеюсь, что их фамильный рок не распространится на одного из моих самых лучших друзей. В этом парне есть и светлые стороны, которые обязательно со временем дадут о себе знать.

– Вот свиньи! – произнес Стас, проверяя карманы своего черного пальто. – Ну ладно, хрен бы с ними с деньгами. Я так и знал что их упрут. А сигареты то их мне не могли оставить...

– Бросай курить! – произнес спокойно Макс. – Здоровее будешь...

– Да пошел ты в жопу со своими советами, имбецил! – громко сказал Стас.

Стас Исаев, настоящий crazy man. У него даже документ, доказывающий этот факт есть. Прошлой весной его призвали в армию. Члены медкомиссии обнаружили у него глубокие порезы на обеих руках. Стас, по своей дурасти, в юности, несколько раз безуспешно пытался покончить с собой, резав лезвием вены. Насторожившиеся доктора приняли решение отправить его на обследование в лечебницу для душевнобольных на недельку-другую. Стасу такая маза не очень понравилась. Хотя он рассказывал, что там было и весело, потому что, он открыл там круг людей по интересам и замутил с молодой медсестрой, которая его потом заразила чем-то непонятным, у него ещё вся мордаха после неё в угрях была, жареха полная. Всё удовольствие пребывания только портил местный санитар, который его мучил, но Стас не любит об этом говорить и ладно. Сумасшедшая неделя для него закончилась, ему на руки выдали белый билет, и наш суицидник продолжил свое существование на гражданке. Государству не удалось отнять у него год жизни. Основной минус личности Стаса в том, что он все время находится в состоянии депрессии. Он ничего не хочет делать, ни учиться, ни работать. Отсюда и его проблемы с алкоголем и наркотиками. Выкинуть что-нибудь абсолютно не адекватное для него нормально, в порядке вещей. Но могу честно признаться, что мы все трое тяжело больные люди. И если провести опрос среди общества, которое нас окружает, люди не думая проголосуют за то, чтобы нас всех изолировали в сумасшедший дом. Да, и ещё Стас у нас сексоголик, помешан на плотских удовольствиях, крайне полигамен.

– Кто со мной завтра в банк крови? – спросил Макс.

– А тебе не кажется, что за эту ночь мы и так немало крови потеряли? Кстати, ты в особенности! – раздраженно сказал я.

– А я не только о себе думаю Дан, в отличие от тебя! Нашему народу надо помогать.

– Вот только не надо гнать, благороднейший из людей... – вмешался Стас. – Ты всегда только из-за бабла кровь сдавал! Эт самое... Чтобы анаболики свои купить. От которых, у тебя скоро твой детородный орган отвалиться.

– Ты че несешь наркота! У тебя чё, запасная челюсть в кармане есть? – завелся Макс. — Хочешь сказать, твой образ жизни катит? Вот ты себя реально убиваешь! Ты себя в зеркало видал, дрищ жалкий?

Макс толкает Стаса в плечо левой граблей.

– Relax парни! – громко сказал я. – Что и зачем кому юзать – личный выбор каждого, я считаю. Но наркота конечно тема гнилая...

– Да пошли вы нахер! – отмахнулся Стас.

Повисла тишина. Мы втроем подходим к своему дворику. Я спросил у Макса:

– Макс. Как у тебя с той крашеной блондиночкой, с Алексеевской, дела обстоят?

– Да дура она полная... Не хочу даже вспоминать...

– А че такое?

– Мы с ней решили на новый уровень отношений перейти. Я к себе домой ее привел. Как лошара, на последние деньги купил ей цветы и шампанское. Раздел ее, думаю сейчас возьму, и тут корче, че я вижу... У нее подмышками не брито.

– Ни хера себе. – улыбнулся я, прикрыв рот ладонью от удивления.

– Ты прикинь... Там такие заросли. Как будто она в жизни их никогда не брила! —вытащил от эмоций глаза Макс. – С дерева наверно только слезла, сука.

– Ну и че ты сделал?

– У меня в общем, сразу все упало, я ей сказал, что у меня дела очень срочные есть, о которых я совсем забыл. Выпроводил ее, ну и номер сразу удалил в телефоне, вконтакте в черный список поместил.

– А может она хиппует? И у нее такая идеология, не брить на теле растительность?

– Меня такая тема не прет. Пусть другого придурка ищет... Какого-нибудь грязного вонючего хипана с патлами.

– Печально... Я то думал у вас лова...

– В этом мире любви не бывает. – сказал Стас. – Есть только власть и бабло.

Услышав дебильное мнение Стаса, мы с Максом улыбнувшись, переглянулись друг с другом. Мы уже давно привыкли к Стасу, к его пессимистическому отношению ко всему в мире. Что толку ему что-либо доказывать? Его все социальные ценности угнетают по жизни, пока он не буханул, или не вмазался.

Наша компания вошла в двор. Навстречу нам, вдалеке, шла женщина лет пятидесяти, с сумкой в руке. Приближаясь к ней все ближе и ближе, я начал ее узнавать.

– Стас! – произнёс негромко я. – Мать твоя на работу идет. Нам навстречу.

– Вот палево. – возмутился Стас. – Я думал, она давно уже ушла. Теперь попадет мне.

Обойти женщину не получилось – бы, она нас видела, да и было поздно.

– Здравствуйте тетя Тань. – произнес я.

– Здравсте. – произнес Макс.

Наша троица остановилась с мамой Стаса.

– Здравствуйте мальчики. – произнесла женщина, растерянно оглядывая наши побитые рожи.

– Привет мам! – сказал Стас.

– Здравствуй, сын. Почему у тебя губа разбита? Ты где опять шляется всю ночь?

– Гулял с друзьями. – сказал Исаев.

– Нормальные люди ночью спят, а днем ходят на работу! – мама Стаса завелась на него.

—Ты когда жить нормально начнешь?

– Мам, вот только не надо мне сцены сейчас устраивать, пожалуйста...

– Сцены я устраиваю? Я из-за тебя всю ночь переживала, не спала.

– А кто тебе мешал? Я парень взрослый, уже не мальчик... Эт самое... Чё хочу, то и делаю.

Нам с Максом стало неловко слышать такой неприятный разговор родителя со своим ребенком. Я отворачивал взгляд в сторону, когда глаза тети Тани падали на меня.

– Хотите, чтобы вас поубивали? – обратилась женщина ко всем нам, на глазах у нее наворачивались слезы. – Кровь кипит, адреналин молодежный...

Макс и Стас, как и я, отвели глаза в сторону.

– Что с тобой произошло Стасик? Максим? Данила... Я думала ты то с мозгами, в этой компании недавно... Что вы с собой делаете? Были такие ребята хорошие... – в голосе мамы Стаса слышна плаксивость.

– Выросли! – отрубил Стас.

Женщина ничего больше нам не сказала. Она отвернулась от нас и пошла своей дорогой. У нас с Максом нет проблем с родителями. Мы живем отдельно от них. Стасу повезло меньше. Его периодически контролирует мама.

Подойдя к дому, я протянул парням руку, чтобы попрощаться. Мы все живем в одной многоэтажке, подъезды только у нас у всех разные.

– Счастливо Дан! – произнес грустный Стас и пожал мне руку. – Созвонимся...

– Конечно дружище... Ты только сильно не залипай... Все нормально будет... Не грузись.

– Я так понял, в банк крови со мной желающих ехать нет? – сказал Макс, пожимая мне руку.

– Ты все правильно понял, бро. Удачи.

– Ну рэперок, береги себя! – сказал Макс.

Я поднимаюсь по лестничным ступенькам в свою квартиру, потому, что лифт как не работал с прошлой недели, так и не работает. Я человек, которого нельзя заставить пойти в выход-

ные в церковь. Начитавшись Ницше с его теорией о смерти Бога, мои предположения о существовании Иисуса, стали равны нулю, но я все же, по своему, молюсь за своих друзей, чтобы у них все было beautiful, была любовь, а у меня моя единственная. Меня прёт мысль, что друзья могут желать друг другу хорошие ништяковые вещи. Может и наивно, я верю в добро, которое окружает нас в нематериальной реальности. Жаль только, что обитатели этого клёвого безумного мира, его не ощущают.

Добравшись до своего этажа, я вдруг передумываю идти домой. Вместо этого, я забрался на свое самое любимое место, где я сочиняю текста для своих трэков и просто люблюсь своим городком, а именно, на крышу нашей многоэтажки. Отсюда открыт потрясающий вид. Не хватает только звезды по имени Sun. С приходом осени, оно покинуло наш город. Всю неделю дожди льют на наши серые улицы. Буду очень надеяться, что солнце вскоре вернется.

– Доброе утро Moscow. – произнес я, вытащив наружу и поцеловав медальон, городу коррумпированной власти, таких же как мы, маргиналов, продажных полицейских, экстремистов, утопистов, шлюх, бомжей, эмигрантов, воров, наркоманов, пьяниц, тунеядцев и просто людей.

Я люблю его.

2.Стас

Тупость и убожество окружает меня со всех сторон. Я не нахожу себе места. Хожу, как заведенный по комнате из угла в угол, словно дикий зверь, оказавшийся пойманным в клетку.

Я облизнул распухшую губу и ощутил сладковатый привкус крови. А у этого подонка Добермана рука тяжелая, хоть он сам и выглядит, как высохший скелет Майкла Джексона.

У меня целую неделю нет здорового полноценного сна. Я просто не могу уснуть и все. В голову постоянно лезут сумасшедшие навязчивые мысли. Никак не могу от них избавиться. Если у вас нет с этим проблем с нервной системой, и вы спокойно спите в своих кроватках, вы – счастливые люди.

Включаю телевизор, щелкаю каналы. У меня не вызывают интереса ток – шоу о моде, stand – up, политическое дерьмо, и уж тем более сериалы о ментах. Я остановился на выпуске новостей, схватил со стола мобильный и принялся искать в телефонной книжке номер Паши Мульта. В выпуске показывали репортаж о националистах. Группа из тридцати молодых крепких ребят, разгромили несколько палаток на местном рынке, где заправляли дагестанцы. Я нашел нужный номер, набрал его и приложил аппарат к уху.

Пабло Мульт является у нас на районе мелким драг дилером. Я знаю его не больше года, но у нас за это время сложились с ним приятельские отношения. Находясь на мели, надеюсь, что Мульт выручит меня, дав в долг. Идут гудки, я смотрю на экран телевизора, там националисты, с черными масками на лицах, бьют витрины крытого рынка, громят иномарки, орудуя бейсбольными битами.

Что-то долго Пабло не отвечает. Один вызов прошел, парень не поднял трубку. Я звоню ему повторно. Взглянул на настенные часы, неудивительно, время только без десяти восемь утра. Второй вызов прошел безрезультатно. Набираю третий, затем четвертый и добиваюсь своего. Мульт хрипит в телефон:

– Да... – у него и так по жизни ужасно гнусавый наркоманский голос, а при пробуждении, вообще жуть.

– Хэ-хэ-й Мульт! Буэнос! – весело и громко сказал я.

– Тебе чего? Головой стукнулся? В такую рань звонить?

– Есть немного. Ну, эт самое... Давай встретимся, ты мне нужен.

– Я сейчас не могу. Только лег недавно...

– Надо сейчас, сейчас старичок. Выручай...

Папа ничего не сказал. После паузы я продолжил:

– Мне совсем хреново. Из окна чуть недавно не выпрыгнул, ты прикинь... Психоз нереальный. Паническая атака.

Мне показалось, что из трубки я слышу его сопение.

– Ты че там блин, уснул что ли debil? – повысил я голос на Пашу.

– Не... не... не... – явно оправдывался он и громко зевнул. – Ну ты реально, сранья с такого меня беспокоишь...

– Короче... Это твоя работа... Эт самое... Давай поднимай свою раста жопу и дуй во двор ко мне. Я на качелях буду ждать.

– Ну ты упертый! Ну ты упертый! – нервно сказал Пабло и сбросил трубку. – Хрен с тобой!

Сам виноват, не показал мне свой адрес. Живет он здесь на районе, рядом, но где именно, в каком доме, не знаю. И никто ничерта не знает. Папа хорошо шифруется. Занимаясь такой профессией, я быть может, тоже так бы действовал.

Я выключил телевизор, бросил пульт на кровать и прошел на кухню. Открыл там шкафчик и забрал оттуда пачку маминых сигарет. Не люблю тонкие дамские, но выбора нет, курить

то что—то надо. Я живенько накинул пальто с погонями, обул убитые в хлам мокасины, затем взглянул на себя в зеркало. Передо мной стоял высокого роста паренек, слегка замотанный. Под бледно-голубыми глазами лежали темные круги, а на голове стоял кверху шухер темных волос. Этот парень совсем на меня не похож. Я стал редко заглядывать в зеркальный мир, потому, что перестал себе нравиться. А ведь когда то в школе меня одноклассницы называли Джеймсом Дином, голливудским красавчиком из 50-ых. Оторвавшись от своего двойника, я пулей выскочил на улицу.

Через несколько минут, я уже был на детской площадке и уселся на раскрашенные в желтый и красный цвета качели. Достав из кармана пальто, зажигалку и сигаретку, я закурил, медленно покачиваясь на детских качелях. Подняв глаза на темно-серое небо, которое изливало на меня капельки своих слез, я вспомнил случай, который произошел со мной, когда я был стационарирован в клинику для душевнобольных.

Мне безумно нравилась там одна медсестричка, которую звали Катя. Признаться, у меня всегда срабатывал на девушек в белых халатах. Такая у меня страсть. Внешности, Катя была модельной, красивые длинные ноги, маленькая попка. В общем, все, что мне нравится в девушках, было в ней. Я же не знал тогда, какой конченной шлюхой, она является и наградит меня целым букетом зараз. Я решил признаться ей в любви, но только не в обычной форме, как это делают другие. А как люблю делать это я.

Был жаркий июньский день. Все вышли на прогулку, и пациенты, и медсестры, и врачи. Я обнаружил ход на крышу нашей больницы, забрался на нее, посмотрел вниз и стал искать глазами Катю. Она стояла с одним из пациентов алкоголиков, у которого по синьке случилась белочка, и что-то ему втирала. Я увидел ее, и решив показать ей свой эксгибиционизм, снимаю больничную одежду, носки, тапки и трусы, громко крича на всю округу:

– Катюня! Ты самая сексуальная из медсестер и самая топовая тьян! Выходи за меня!

Катя, увидев голого Адама, была, как и вся толпа психов, шокирована таким признанием, округлив глаза.

Сумасшедшая старуха семидесяти лет, по имени Пестинья, которая считала себя женой Сталина, произнесла, злобно нахмутив морщинистое лицо:

– У таких уродов нет будущего!

Я не стеснительный, и мне плевать, что обо мне подумают. Главное то, что я произвел впечатление на возлюбленную. Теперь она точно никогда не забудет такого признания в любви. Она будет помнить все другие обывательские признания от других парней, например букет красных роз или кольца с бриллиантами, но мой болтающийся болт между ног вряд ли когда-нибудь забудет.

Далее было совсем не весело. Меня за этот случай схватили крепкие санитары, привязали к шконарю и обкололи реланиумом. Инквизиторы продержали меня на растяжке целую вечность. И ещё этот ублюдок Виктор, чаще всех меня навещавший, вкалывал в меня лошадиные дозы этой лечебной дряни. Я после, абсолютно потерял ощущение времени. Меня посещали жуткие мысли, что я умираю. Всех тех ужасов, что представлял себе мой разум и не описать...

Да, я безусловно, думаю, и поступаю не так, как окружающие меня люди. Я индивид, и не стоит из-за этого закрывать меня в лечебницу, связывать, колоть дрянью, от которой у меня совсем крыша слетает. Но, так устроен этот мир, точнее обыватели его так устроили со своими законами и таким, как я, предрешиено быть изгоями, непонятыми и отрезанными от общества.

Мои воспоминания и размышления перебил долгожданный Пабло. Приятель шел со своей белой крысой, которая сидела у него на правом плече синей ветровки. На голове у него была радужная полосатая шапка, какие носят обычно растаманы. Его мать, которая работает ночной путаной на Арбате, произвела его на свет в тринадцатилетнем возрасте. Его отец был против его рождения, требовал аборт, не желая брать на себя такую ответственность, потому,

что сам едва стал совершеннолетним. Мульти обоих своих предков ненавидит и никогда с ними не встречается, живет отдельно, зарабатывает на жизнь, торгуя запрещенной химией. Продавец амфетаминами, молча присел на соседние качели рядом со мной, снял крысу с плеча, кажется ее звали Винт, и принялся гладить ее средним пальцем. Я выплюнул дотлевшую дамскую сигаретку и произнес, глядя на него:

– Ну чё, принес?

– В первый и последний раз я открываю для тебя магазин в такое время. В следующий раз, если не можешь успокоиться, прими фенозепам.

Я промолчал. Не стал комментировать его нравоучения.

– Нал при тебе? – спросил он, уставившись на крысу.

– Эт самое... Ты мне в долг запиши, как только лавэшку подниму, сразу отдам. Оке? В клуб сегодня идешь?

– Не пойдет... – покачал головой Мульти.

– Ты пойми, я в такой жопе сейчас...

– Мы все в жопе. Стас, это не мои проблемы. Будет нал – будет товар.

Паша, держа в ладонях Винта, встал с качелей и пошел обратно в свою нору.

– Вот значит как мы заговорили. – громко кинул ему вслед я, спрыгнув с качелей. – Ради денег, друга кинуть готов... Стой ты, меркантильный жлоб!

Мульти остановился. Я подбежал к нему и ткнул ему в лицо правую руку, показывая фак, средним пальцем. На нем красовался золотой перстень. Подарок моего отца. Единственное, что он подарил мне за всю жизнь.

– Зацени. Перстень моего папаши. Я решил его заложить в ломбарде. Будет тебе нал. Сегодня же, вечером в «заводной обезьяне». – произнес я и опустил свою руку. – Так что сделай одолжение... Сын проститутки, твою мать...

– Чё? – опешил Мульти.

– Ладно... Извини бро!

Мульти покорно приподнял к заду левую ногу и достал из кроссовка пакетик. Не сказав ни слова, Паша вручил его мне. Внутри я узрел три красненькие капсулы с барбитуратами. То, что я всегда заказываю. Мульти ушел, а я состроил идиотскую улыбку ему на прощание. Мое настроение резко улучшилось.

3.Макс

Четыре часа с лишним, мне пришлось простоять, пока не подошла моя очередь. На пункте приема переливания крови сегодня особенно много народа. Молодых студентов всегда приходили толпы, как и беженцев с Украины, так еще и не поленились ведь, в такую непогоду припереться, старики пенсионеры, почетные доноры. За моей спиной стояли в очереди ребята, моего возраста и шумно болтали. Я услышал их разговор.

– Слушай, а где у нас в Москве сперму сдают? Я денег хотел поднять... – говорил один.

– Я не в курсе. Смотрел в интернете, искал, искал. Без понтово. Я и сам бы не против такого заработка.

– Эт чушь всё на самом деле. – вмешался в разговор парней я, повернувшись к ним. – Я узнавал, катался в одно место. Там мне объяснили, что для этого нужно как минимум, двух детей иметь, а еще набрать кучу справок. И нифига за это не платят. Малафью берут безвозмездно...

– Капец... – произнес один из парней, огорчившись. – Ну и пошли они тогда!

Я сдал стандартные 433 миллилитра и стал наслаждаться легкой приятной эйфорией, которая меня накрывает после каждой сдачи. Сзади меня, с грохотом полетел, потеряв сознание на пол один из доноров. Обернувшись, я увидел, как ребята поднимают с пола молодого тощего паренька лет девятнадцати, моего ровесника.

– И как таких задротов только к сдаче допускают? – сказал мне какой-то пацан в кепке.

Парень, получивший обморок, действительно был очень худым. При росте метр восемьдесят, весил килограмм шестьдесят, а может и того меньше. На самом деле это ненормально. Другое дело я. При таком же, как у него росте, вешу семьдесят семь килограмм. Меня и врачи все время хвалят, говоря, что такие парни им и нужны.

Простояв еще одну очередь, теперь за деньгами, я почувствовал дикую вонь. Это был не первый раз за сегодняшний день. От некоторых парней исходил отвратный запах. Наверное, они являлись какими-нибудь дегенератами тунеядцами, которые не ходят на работу, живут в доме, напоминающем свинарник, нигде не учатся и донорство, их единственный заработок. Хотя, если разобраться, больше половины людей, что сюда сегодня притащились, так и существуют.

Получив свои кровно заработанные деньги, я умчал домой. Доехав на метро до своей станции, я просто зверски захотел есть. Овсяной кашей с утра я не наелся, но перед сдачей не рекомендуется много есть, особенно всякие бутеры. Решив срезать путь до дома, я пошел гаражами, накинув на лысую голову капюшон. Дождь опять начинает накрапывать. Периодически, мое внимание привлекали рисунки и надписи граффити на воротах гаражей. Руку, приложившую к некоторым рисункам, я узнавал. Местный районный дилер Мульти, бесспорно талантливый граффитчик. Иногда мне хочется его убить, за то, чем он занимается, а именно за наркотики, но нельзя мочить гениев, их и так ничтожно мало на свете.

Неожиданно, я услышал сзади знакомый моему уху голос:

– Опа-опа-опа-па! Эй животное! Свали с дороги!

Я машинально отошел в сторону. По левую сторону со мной поравнялась битая черная мазда, в которой сидел Доберман и двое его дружков. Автомобиль ехал медленно, на скорости, равной моему шагу. Один из приятелей Добермана сидел за рулем, а сам он, открыв полностью окошко, зырил на меня. Ублюдок был в черных очках-каплях. Он частенько в них ходит, скрывая свои убитые глаза, красные от принятия дряни, которую он ворует у себя в ментуре из хранилища для вещ. дока.

– Чего не здороваешься? Не рад меня видеть что ли? Ты че, язык в жопу засунул? – говорил Добер.

Я молчал, надо держать себя в руках.

– Я к тебе обращаюсь, сын шлюхи! Лезбиянки с зоны.

Я продолжал молчать, плотно стиснув зубы.

– Молчишь... – не унимался Доберман, нахально улыбаясь. – Ну ты хоть вякни чего-нибудь, очкун. Неинтересно с тобой.

– Пошел ты! – выпалил я, не выдержав.

А не стоило бы.

– Ты как с полицейским разговариваешь? А?

– А когда ты интересно был полицейским? – сказал я и взглянул на Добермана. —А?

Менту надо было зацепиться хоть за что-то. Я знал это, но потерял над собой контроль. Не смог умолчать.

Мазда рванула вперед, обогнав меня, проехала метров пятнадцать и резко тормознула, противно заскрипев тормозами. Все трое, что сидели в ней, повыскакивали наружу и спешным шагом пошли на меня. Один из друзей Добера, с белым узорчатым платком на голове, как и он, являлся служителем закона. Я его узнал. Другой был с быдловатой рожей, в фуражке в клетку.

Мой инстинкт самосохранения бил тревогу. В голову полезли мысли сбежать, ведь это единственная возможность избежать хороших звездюлей, которых я сейчас огребу по полной. Но, я проигнорировал инстинкт и никуда не сбежал. Я так делаю часто.

Ублюдки выбрали отличное место для разборки. Вокруг ни души.

Доберман приблизился ко мне максимально близко, и с ходу, что было сил, въехал мне с правой в челюсть. Обливаясь кровью, я рухнул на землю. На лице открылись раны, которые я получил в отделе позавчера. Даже самому перед собой стыдно, что упал с первого удара. Явно был еще не в форме. Попытаться встать у меня не получилось. Все трое принялись яростно отхаживать меня ногами. Я старался закрывать голову руками, катался по земле, чтобы увернуться от ударов. Но, нападавших было много на одного, и большинство их ударов попадали в цель. Я терял последние силы. Быдловатого вида, мужик, достал мобильный телефон.

– Чего лицо прячешь? – произнес он, снимая на камеру смартфона моё избиение. – Улыбнись мудила для моего сэлфи! В отделе заценят!

Сознание мое помутнело и я почти перестал чувствовать боль от непрерывных пинков.

Тот, что работал с Доберманом в одном отделе, перестав меня колотить, произнес глядя на него:

– Доберман! С него хватит! Ты че, озверел что ли?

Другой мужик перестал меня снимать на видео и убрал гаджет в олимпийку. Один лишь Добер продолжал пинать ногой мне по бокам.

– Успокойся, ты придурок! Ты опять все испортишь! Мало тогда тебя начальство отымело за его братца? – сказал парень с повязанным платком на голове, оттаскивая неугомонного Добермана. – Успокойся!

– Я спокоен... Я спокоен... – отмахнулся он, жадно глотая воздух.

Он и его друзья рванули к машине.

То, что сказал парень в платке Доберману, повергло меня в дикий шок. Неужели этот садист и погубил моего брата?

Дело в том, что мой брат по имени Илья, был скинхедом. Он не раз ввязывался в драки с приезжими гостями Столицы. Этим летом, его мертвое холодное тело обнаружили в нашем парке. На нем не было живого места. Мы подумали, что гуки подстерегли его в парке ночью и навалившись толпой, забили до смерти, отомстив за свою родню. Оказывается, это дело рук совсем других людей и причастным в этом оказался некто иной, как Доберман!

Битая мазда рванула с места. Я, собравшись с последними силами, что у меня еще остались, приподнялся на ноги и упёрся об ворота гаража с граффити. Все внутренности дико болели. У меня напрочь пропал какой-либо аппетит. Я сплюнул сгустком алой крови на землю.

«Мало наверное внутри меня ее осталось...» – подумал я. Весь грязный, с окровавленным лицом, я смотрел вслед уезжающему автомобилю и думал о том, что вскоре, я обязательно заставлю лечь в гроб ненавистного мною жандарма и после приду плюнуть на его могилу.

Сегодня наступил первый день, когда во мне проснулся очень, очень, ну очень «плохой Макс!»

4. Данила

Мелодия из репертуара известного мертвого черного рэпера Тупака Шакура, заставила меня поднять голову с подушки. Надрывался мой айфон, я догнал тут же. Немного отряхнувшись ото сна, я протянул руку за телефоном, который лежал на холодном полу, вибрировал и мигал. На дисплее горел номер любимой девушки. Приложив аппарат к уху, я произнёс:

– Speak...

– Милый привет... – произнесла Аня.

О, этот нежный, приятный моему слуху голосок. Утро начинается в прекрасном настроении, когда я его слышу.

– Привет моя девочка. – произнес я ласково.

– Ты чего делаешь?

– Только проснулся... Видел тебя во сне. – сказал я, затем встал с кровати и съездившись от холода, скорее бы пустили по батареям отопление, в одних трусах подошел к окну, на улице было все так же пасмурно. – Я так соскучился по твоим алым губкам...

– И я соскучилась. – слегка смущенно, сказала Анечка. – Приедешь сегодня?

– Ты меня приглашаешь? Конечно приеду... Ты одна?

– Одна... Через сколько будешь?

Вот он! Настал тот самый момент, которого я так долго мучительно ждал. Может, я раньше времени радуюсь, а может это и есть оно, то самое. Я потёр ноющее, изголодавшееся по женской особи, интимное место рукой.

– Я буду у тебя в течении часа.

– Хорошо...

– Не остынь только.

Аня не услышала последней, произнесенной мною фразы, сбросив трубку.

Комната, в которой мы с соседом жили, была в запустении. Здесь не было ремонта с того времени, когда президентом в нашей стране был Горбачёв. Потолок осыпался и трескался, на стенах – старые выцветшие обои, на них ковры с васильками.

Я накинул майку, спортивные штаны и как и после каждого своего пробуждения, упал на кулаки на пол и отжался пятьдесят раз. Это железное мое правило, которому я никогда стараюсь не изменять, помогает держать тело в хорошей физической форме. Я не качок и никогда в принципе не думал становиться мистером Вселенная. Мне достаточно быть рельефным, подтянутым пацаном, которому будет приятно порадовать свою девушку, раздевшись. Закончив с отжиманиями, я, натягивая, на глаза серую шапку, прохожу на кухню. Там, за столом сидит Диман, пацан, который снимает со мной квартиру, щелкает пальцами по клавиатуре черного ноутбука. Он даже не подымает головы, только глазами на меня мелькнул.

– Здорово тап! – сказал я, подняв руку вверх.

– Доброе утро. – произнес он.

– Слушай, у тебя есть че сожрать? В магазин гонял? Твоя кстати очередь.

– В холодильнике... – наконец парень оторвал башку от монитора и кивнул на большой белый двухметровый refrigerator, в котором редко когда лежит у нас еда.

Я залез в него, достал кусок пиццы на тарелке и стал жадно его поедать, даже не разогрев в микроволнофке, а прямо так, холодный.

– Запить есть чего-нибудь?

Дима поставил на край стола бутылку апельсинового сока, которая лежала у его ноута. Я взял ее, отвинтил крышку и сделал большой глоток.

– Фаина приходила. Мы тебя будили, но...

– Да эт вообще бесполезно. – произнес я. – Я полночи курьерил. Халтура подвернулась. Устал зверски...

Фаиной звали старуху, которая сдавала нам квартиру. Я торчу ей долг за месяц.

– Просила поинтересоваться, когда ренту оплатишь?

– Передай старушке, пусть не волнуется, а то еще сердчишко прихватит, в ее то возрасте. А на следующей неделе money будут. – говорю я, попивая сок. – Мне поц один еще долг должен отдать на днях.

– Смотри... Ты бы не затягивал. Выселит говорит...

– Не выселит...

Димон снова уткнулся в свой ноутбук и что-то начал строчить по клавише дальше. Этот парень постоянно сидит за своим компьютером. Мир интернета приютил его, как и большее население планеты. Дима хочет найти любовь, как он сам говорил, поэтому и является постоянным гостем на всевозможных социальных сетях, чатах и форумах. Парень круглыми сутками висает, общаясь и знакомясь с телками, но ничего путного пока из этого не вышло, как вижу. Если уж по чесноку, Дима далеко не мачо, не красавец, он невысокий, сутулый, бледная мощь одним словом. Двух слов связать не может, боится всего на свете, от обколотого герой, торчка в переходе, до третьей мировой войны. В реальности, у него никогда ничего с замутами не получалось, и он очень надеется успешно найти и влюбить в свою личность какую-нибудь топовую телочку с модельной внешностью в интернете. Виртуальное общение с прекрасным полом позволяет ему быть раскованным, смелым, сильным и красивым. Все эти качества он в себе не развил в настоящей жизни, но зато там он существует таким, каким всегда мечтал себя видеть. На мой взгляд все это полная лажа. Никогда не понимал смысла виртуальной жизни, да по ходу и не пойму. Меня тот мир не затягивает. Быть виртуальным героем, а в жизни полным гавном и ничтожеством меня не плющит. Мое поколение с выводами моими не согласится, ведь большинство их и является пользователями. Мнение исключительно исходит из моих мыслей, и как кому сходить с ума решает каждый для себя сам.

– Набрал твою фамилию и имя в википедии, чего то никакой информации там о тебе нет... – говорит мне постоянный посетитель порно-сайтов.

Многим давно известно, что киберпространство для многих является самой лучшей возможностью смотреть и качать гигабайтами порнуху на любой, даже самый что ни есть, извращенный вкус.

– Скоро будет. У журналюги Андрэаса до задницы связей в шоу-бизе. Я звонка его жду, чтобы пересечься, диск с трэками передать... – сказал я, доедая кусок пиццы.

– Андрэас... Это та педаль с длинной челкой, весь в розовом, который за тобой на лескусе в прошлый раз приезжал?

– Андрэас не педик. – возразил я, перестав жевать. – Просто модник и выглядит немного странно.

– Откуда такая уверенность? – говорит мне парень, который женился на правой руке. – Ты мне инициалы его скажи, я в одноклассниках или вконтакте пробью. Если в каких гей сообществах спалится, то все с ним ясно...

– Думаешь я у него фамилию что ли спрашивал? Мы с ним на позапрошлый weekend в клубе познакомились только. И кстати, не в каком-нибудь гей клубе, а в нормальном заведении, куда приходят только натуралы.

– И биссексуалы. – продолжает поднимать мне нервы компьютерный червь.

– А в принципе... В принципе... – я поставил пустую тарелку на стол. – Мне по барабану какой он ориентации, главное чтобы он не оказался треплом и помог мне с творчеством.

Повисла тишина. Я отхлебнул из бутылки сок и добавил:

– Андрэас не гей. Я тебе точно говорю.

– Ну если не гей, то уж очень похож. Ты у нас в Москве не так давно и еще многого не видел и не знаешь. А я научился голубятню их разоблачать, изучил повадки, поведение, внешний вид.

– Чё ты знаешь то? Чё ты видел? Ты кроме железки своей гребаной нихера ничего не видел в своей жизни!

Диман полностью заткнулся. Я поставил бутылку с остатками апельсинового сока на стол и сказал:

– Спасибо. Умник.

Парню удалось немного подпортить мне настроение. Но это ненадолго. Я если и разозлюсь, то очень быстро остыну. Отходчивый я парень. Долго держать обиду или злость не умею.

Бриться я не стал, все равно на моих монгольских выдающихся скулах щетина растет очень медленно. Обернув туловище ярко красной кофтой с капюшоном, я поспешил в гости к любимой.

Я шел по станции подземки, слившись с толпой пингвинов. У многих людей лица серые, кислые, хмурые, взгляд потухший. Поглотила их система, сделала своими «полезными» рабами. Членом их «полезного» общества я не являюсь. Я актер альтернативной сцены жизни. Они – же выполняют обыкновенные функции системного обывателя. Они обзаводятся справкой о медицинском страховании, ходят в полицию жаловаться, живут на лавэ, которое им оставили в наследство деда с бабками, оканчивают университеты, бухают водку после тяжелого трудового дня, собираются по выходным семьями на шашлыки, трахают на офисных столах секретарш, их парит падение рубля и растущие доллар и евро, они смотрят новости и ток-шоу, свято веря, что там всё правда, короче делают те обывательские вещи, которые я на врядли когда-нибудь для себя приму.

Прохожу мимо попрошайек. Кто-то из них играет на гармошке, кто-то протяжно поет, а кто-то просто плачет, размазывая слезы по щекам и держит ржавую кружку в руке для милостыни.

Просто так пройти мимо хоть и молодой, но уже изрядно морщинистой матери, на руках с худенькой маленькой дочерью я не смог. У меня всегда болталась в карманах какая-то мелочевка. Немного порывшись в левом кармане кофты, я достаю и подаю женщине с ребенком горсть мелочи, что смог нагрести. Та поблагодарила меня, кивнув головой. На деньги я жадный никогда не был, даже когда у меня их катастрофически мало. Деньги нужны всем. Из всех живых существ на земле, только человек платит деньги за то, чтобы жить, и от этого не уйти. Как ни крути.

Выхожу из подземки резвым шагом. Кругом дикий поток машин, ремонтируют некоторые участки дороги, везде пробки. Какой-то кретин на красной бэнтли чуть не сбил меня, когда я переходил дорогу по лежачему полицейскому.

«Кретин! И дети твои крестинами будут!» – сказал я про себя.

Вот так и живем. Какой-то черт рогатый водит автомобиль за несколько миллионов, а у кого-то денег даже на хлеб ребенку не хватает.

Бедные беднеют, а богатые богатеют.

По пути, я решил набрать одному парню, который мне должен три штуки. На эти деньги я бы мог сходить например с Аней в кафэ или купить ей хоть что-нибудь. Я приставил аппарат к уху в ожидании его ответа, но ответа не последовало. Пока я добрался до девушки, этому парню я позвонил 6 раз, но никто так и не подошел к телефону. Ладно, позвоню в следующий раз, может у него какие проблемы, кто знает.

Я захожу в квартиру моей Анечки. Мой angel сегодня особенно замечательно выглядит. Меня сводят с ума ее высокие скулы, впалые щеки, приклеенные искусственные реснички и самые сногшибательные запчасти ее лика – огромные открытые карие глазища. Аня закрыла за мной дверь изнутри и произнесла:

– Привет Данила. – девушка улыбнулась.

Аня в огромных домашних тапочках с зелёными глазами и ушами зайцев.

– Привет зай. – сказал я и обнял ее.

Запах, который от нее исходит нереально меня возбуждает. Этот аромат принадлежит только ей. Он индивидуален. Я с наслаждением, нежно поцеловал свою кису в её пухленький сексуальный ротик.

– Проходи в комнату. – произнесла она.

Я отпустил ее из своих объятий, разулся и прошел в комнату. Там, посередине стояла разобранная двуспальная кровать, в углу компьютер, на котором играл альтернативный рок. На мониторе я узрел нашу с Аней фотографию, которая была заставкой на рабочем столе. На ней изображены мы, целуя и обнимая друг друга, а вокруг красные сердечки, дорисованные уже ей. Ее комната была в типичном стиле молодой девчонки, едва вышедшей из детства. На кровати игрушки, плюшевые звери, на стенах висят плакаты, на одной стенке – Джаред Лето в образе Джокера, над кроватью какие-то парни, больше похожие на девок, все накрашенные, с подведенными черными глазами, наверное эмо-бои, на другой стенке я вообще не вкуриваю, что за поц, какой-то слащавый малолетка с микрофоном. Лучше бы повесила себе постер Тупака, он реально заслуживает этого больше, чем все эти личности.

Angel заходит в комнату.

– Как творчество? Когда буду смотреть на тебя по ти-ви и всем подругам говорить, что это мой парень?

– На радио пока тишина. Я этого ожидал. Жду звонка от одного, чтобы через него трэки передать нужным людям, которые более серьезно к этому делу отнесутся.

– Ясненько все с тобой.

Стоим оба у постели, как два девственника перед первым половым актом, не знаем с чего начать, волнуемся. Впрочем, я-то давно уже не девственник, чего не скажешь о моей девочке.

– Как танцы? – интересуюсь я.

– Супер... На следующей неделе в доме культуры у нас выступаем. В четверг вроде. Придешь?

– Конечно. Предки на работе?

– Ну да, работают...

– Брат учится?

– Да, в колледже.

Я решил действовать.

– То есть никто прийти не должен? – спросил я, сняв кофту и повесив ее на стуле у компьютера.

– Вообще – то никто не должен.

– Ну и чего ждем? – с этими словами я подхожу ближе к Ане, обнимаю, и резко кладу ее спиной на кровать.

Постельное белье на кровати из велюра, бордового цвета. Мой вертлявый язык проникает ей в рот и я чувствую сладковатый клубничным привкус ее языка. Колени у Ани задрожали, я это почувствовал. Я начинаю нежно целовать ее губы, подбородок, шею. Она учащенно задыхалась, чувствуя мои руки у себя на груди третьего размера. Девушка не сопротивлялась. Моя правая рука задрала ее мини-юбку.

– Как же ты пахнешь... – тихо произнес я. – Твой запах меня всегда волновал. Он прекрасен, как и ты вся. – я снова стал целовать ее бархатистую мягкую кожу на шее. – Я так тебя хочу... Хочу чтобы ты отдалась мне полностью...

– Остановись. – простонала она, но ее протест не возымел на меня никакого воздействия. – Милый, пожалуйста...

– Не бойся, всё хорошо, я сделаю все как надо. – шепнул ей на ушко я. – Нам будет хорошо...

Мое тело изнывало от сексуального удовлетворения. Слишком долго этого ждал. Я продолжил, засунув руку в ее самое сокровенное место. Не успел я этого сделать, как моя girlfriend залепила мне мощную пощечину. Я решил проигнорировать ее, продолжив прелюдию, но она не успокоилась, превратившись в дикую кошку, стала наносить удары мне по фэйсу все реще и реще. Я схватил ее за руки, она стала дергаться и вырываться.

Наши любовные ласки перешли в борьбу между полами. Напоминает сцену из телепередач про диких животных во время брачного периода, там у них происходит нечто похожее.

– Успокойся! – нервно сказал я.

– Оставь меня! – перешла на крик Аня, извиваясь в моих руках.

Я отпустил ее, она пересела на противоположную сторону кровати, я поступил тем-же образом. Оба друг от друга отвернулись.

– Долго ты еще фифочку из себя будешь строить? – раздраженно выпалил я.

Аня тихонько заплакала. Я услышал ее всхлипы. Мое раздражение тут-же улетучилось. Мне становилось не по себе из-за ее плача.

– Повзрослеть пора Ань, ты же не школьница уже, тебе сейчас все можно. Че ты боишься? Я тебя хочу, а ты... Время только прозебаешь, и я из – за тебя тоже. Как евнух мать его.

– А ты меня брось. Зачем я тебе такая нужна? – содрогаясь от слез, произнесла Анечка.

– Нужна... – сказал я. – Мне никто так сильно не нужен...

Я обернулся и повалил ее рукой на кровать, а сам завалился рядышком. Провел рукой по ее волосам. Даже сейчас, заплаканная, с потекшей тушью, без мэй капа, прекрасней ее никого для меня нет.

– Ну прости меня. – сказал я и поцеловал ее в щеку. – Я буду ждать, моя хорошая...

Ходил голодный несколько месяцев, теперь еще неизвестно, сколько так придется...

Аня перестала реветь, успокоилась, и по-прежнему смотрела на меня с любовью. Мэй кап у нее стёрся, на левой щеке я заметил маленький прыщик.

Я поцеловал ее в глаз, затем в бровь, ощутив соленый вкус ее слезинок.

– Прости. – шептал я.

Я буду ждать сколько потребуется, мой angel.

– У тебя прыщик на левой щеке. Это все от сексуальной недостаточности. – сказал я улыбаясь.

Angel улыбнулась мне в ответ.

5.Макс

Лежу на скамье и жму от груди штангу, весом в девяносто килограмм.

Теперь я занимаюсь с гантелями и штангой строго через день. Питаюсь как по расписанию около шести-семи раз за сутки. При таких нагрузках просто необходимо поглощать в себя бешеное количество белка, чтобы нарастить большие мышцы.

Щадить себя я больше не собираюсь, жму на полную катушку, больше подходов, до упора, до боли, до блевоты.

Я пыхчу на тренировках не для того, чтобы меня за стройность обожали девушки. Мне нужен прирост мышечной массы, чтобы быть несокрушимым в бою. Одним только ударом левой накаченной рукой, повывивать все зубы козлу, что встанет на моем пути.

Такая мотивация.

Закончив с железом, я кинулся на грушу и обрушил на неё град яростных мощнейших ударов, представив вместо нее, рожу наглого подонка Добермана, или еще кого-нибудь из их мусорской касты.

Весь взмокший от пота, осматриваю в зеркале свое тело и понимаю, что работать еще придется очень много. У меня внушительные грудные, пресс, а именно три горизонтальные полосы мышц, разделенные все три посередине вертикальной ложбиной, но мне этого не достаточно. Для большего эффекта сегодня отправлюсь закупить спортивного питания: протеина, креатина и аминокислот. Все же обычного питания недостаточно для быстрого восстановления и максимального роста. Рассматриваю на правом плече татуху с изображением готической буквы «М», первой буквы моего имени.

Принимаю душ. Чуть теплая освежающая вода стекает по моему телу, всему в садинах, ушибах и шрамах. Ничего... Тем, кто меня ими наградил, вскоре воздастся. Я был терпилой слишком долго. Пришло время принимать какие-то меры. Ни о чем другой мой мозг больше всего не думает.

После водных процедур, я быстренько сжираю несколько подогретых в микроволнофке, куриных грудок, одеваюсь, надеваю спортивные черные перчатки с обрезанными пальцами на руки, на плечи вешаю рюкзак и выскакиваю на улицу. В рюкзаке у меня всегда лежит карточка со скидкой в пятнадцать процентов на товары спортивного питания в магазине на Партизанской. Раньше она принадлежала Илюхе, потому что, он постоянно отоваривался только в этом месте. Я тогда всегда подстегивал, критиковал не в самой лучшей форме брата, за то, что он пихает в себя химию, а теперь и сам на нее по ходу скоро подсяду.

В нашем городском метро, в самом рейтинговом в последнее время месте для самоубийц, не было час пика, поэтому я спокойно сидел и ехал на нужную мне станцию. После тренировки, спустя какое-то энное количество времени, меня всегда начинает одолевать сон. Я глаза свои прикрыл, и в полу дреме проехал несколько станций. Когда открыл, вижу напротив меня сидит чернявый бородатый парень лет тридцати, то ли узбек, то ли грузин (я в них не сильно разбираюсь) жует жевачку и наглыми глазами пялится на меня. Незнакомец улыбнулся, заметив, что я тоже на него стал пялится. Меня начинала эта сцена порядком раздражать. Неужели ублюдку мать в детстве не говорила, что долго смотреть на незнакомого дядю некультурно? Придется мне ему сказать. Я конечно, ничего не имею против приезжих эмигрантов с их семьями и просто гостей Столицы, в отличие от своего покойного брата, но иногда они ведут себя неприемлемо на земле, которая их приняла, и нас коренных жителей это раздражает.

Я встал на выход. К моему счастью, мой попутчик тоже встал рядом со мной у дверей вагона. Я повернул голову и выдавил презрительную улыбку в его сторону. Он повернул голову в мою сторону и в ответ оскалил свои желтые тридцать два зуба, я обратил внимание на то, что передние были золотыми.

«А ведь их легко можно выбить.» – промелькнула у меня мысль.

Вагон подкатил к станции и двери открылись.

Блаженная улыбка мгновенно стерлась с лица бородатого незнакомца, когда мой крепкий лоб с силой врезался в его переносицу. У него тут же брызнула из горбатого носа кровь, ну а я спокойно, как ни в чем не бывало, вышел из вагона и устремился к выходу в город из метрополитена.

Продавец в магазине спорт – товаров, внешне дико мне напомнил знаменитого голливудского актера – Жан Клода Ван-Дамма, которого я просто обожал в детстве. В своих фильмах он всегда всех валил, владея боевыми искусствами. Особенно круто бил с ноги. Насмотревшись, у меня появилась цель научиться так же. Еще в юношестве я садился на шпагат, как он, но сейчас у меня это на вряд ли получится.

Ван-Дамм проконсультировал, что мне лучше всего взять на имеющиеся у меня четыре косяря. Их мне хватило на:

- 1) протеин (3 кг)
- 2) креатин
- 3) аминокислоты
- 4) ВСАА

Осталось у меня несколько сотен рублей, выплаченных мне за кровь. Я взял с прилавка пол-литровую банку и спросил:

– А эт чё? Энергетик?

– Витаминизированный, с гуараной и креатином. – произнес Жан Клод. – Принимать следует перед тренировкой. Я пил, после него хочется просто рвать железо. Короче, крутая смесь. Рекомендую.

Я захватил с прилавка еще пару банок и положил все на кассу.

Засунув покупки в портфель, я накинул его на плечо, поблагодарил Ванн-Дама за консультацию и поспешил на выход. В проходе, ударившись правым плечом, я столкнулся с очередным качком клиентом, который спешил в магазин.

– Смотри куда прешь, придурок! – сбывчил я на него..

– Ты че сказал! – сморщив морщины лица на лбу, выпалил он и схватил меня за воротник куртки.

Я в ответку схватил его за воротник и мы оба, выпучив глаза от гнева, уставились друг на друга.

Спустя пару сек, злость моя начала утихать, потому, что я узнал морду парня, с которым врезался. Мы вместе ходили с ним раньше на бокс, участвовали на соревнованиях.

– Никита? Бычара? – с улыбкой, произнес я.

– Макс? – парень тоже меня узнал.

Я отпустил его ворот, он мой тоже. Шлёпнув левой ладонью ему по спине, я произнес:

– По-до-нок! Че, с правой меня думал жахнуть? – я встал в боевую стойку, сжав кулаки. –

Спарринг помнишь? Соревнухи...

– Да... Давно это было... – вздохнул бык.

У Никиты было немного коротеньких темных волос на макушке, а по бокам вообще выбрито машинкой под ноль и на левой стороне вытатуирована голова быка.

– Ты че здесь мутишь? – спросил я.

– То же, че и ты. Затариваюсь спорт – питом. Кстати блин... Я слышал про Илью...

Я перестал улыбаться и опустил глаза.

– Сочувствую. Он был классным парнем... – произнес Никита и похлопал мне по правому плечу рукой. – Ты меня подожди, поболтаем, вместе поедем. Я сейчас. Чего надо куплю...

– Я буду на улице. – сказал я и ушел.

Мы, не спеша, шли к метро, надев черные капюшоны, спасая свои черепа от противной мороси.

– У меня есть знакомый поц... Продает первоклассные ускорители, все че захочешь, поглотители, гормоны для роста, препараты, такие как андрол, трэнды, анабол, и всякая другая био-херь. Ты ведь такой же как и я, эктаморф, людям нашей конституции тяжело наращивать мясо. В магазине спорт пита такое не продают, закон запрещает. Если надумаешь, только скажи, загонит по дешевке. И не какую-нибудь китайскую лажу. Чел проверенный.

– Не... Мне не надо. – отмахнулся я. – Вкалывать в себя всякую дрянь...

– Ты не гони, не гони... Подумай. Эффект от них – просто трэш... Сам обалдеешь.

И не слушай никого, кто тебе будет говорить, что это все вредно.

– Ладно, там посмотрим. Ты лучше расскажи, как житуха у тебя?

– Да как... Широко живу... Неделю назад еще зону топтал.

– Че в натуре? – поразился я. – И за что это тебя закон Российский покарал?

– Одному уроду челюсть сломал на футболе. Об этом даже в газетах писали, я медийным стал. Знаменитостью.

– Я газеты не читаю и в интернете новости не читаю. Не в курсах.

– Мясорубка была еще та! Нас собралось так много лишь дважды в жизни... Это было зрелище! Море крови. Кони ею захлебнулись. Мы из них фарш сделали.

– Как тебя угораздило попасться?

– Ногу сломали мне арматурой. Я убежать не смог, когда мусора приехали. Потом был суд, меня признали виновным и посадили на шесть месяцев за одного там, ссыкуна со сломанной челюстью. Но, я ни о чем не жалею, и жалеть не буду. Буду продолжать ходить на матчи, крушить, ломать, бить всех, кто подвернется. Это адреналин не сравнится ни с чем на свете, мать его.

Бык своими рассказами про футбольные потасовки меня порядком заинтриговал.

– Я тоже хочу попробовать вашу мазу.

– Да без проблем. Парень ты крепкий, мускулистый... Видел бы ты сколько среди наших карланов – дрищей, а ты, совсем другое дело. Боец реальный. Нам такие нужны.

– Когда моб собираете?

– В это воскресенье. Динамовцев громить будем.

– Круто. – сказал я и сплюнул на асфальт.

«Вот где я отточу свой бойцовский стиль». – сказал я про себя. «На футболе...»

Бык и я спустились в метро. Он вышел раньше меня, мы с ним живем на разных станциях, но близко друг к другу. Я безумно захотел пить и вдруг вспомнил, что у меня в рюкзаке лежат бутылки с энергетиками. Я достал одну из них, отвинтил крышку и залпом выпил ее всю до последней капли.

Буквально через минуту меня накрывает такой прилив энергии и сил, что я готов гнуть подковы. Если кто-нибудь из пассажиров метро будет вести себя по хамски, на ногу

например наступит и не соизволит извиниться, я порву его как грелку. Но, люди попались все мирные, а я не такая сволочь, чтобы первым нарываться на драку.

На выходе в город из метро, какой-то дебил в костюме курицы протягивает своей мохнатой лапой, карточку с рекламкой. Я ее зачем то взял и остановился, хотя всегда прохожу мимо, взглянул на нее, там написаны адреса телефоны сети закусовых.

– Курительные смеси интересуют? – тихо спросил парень в костюме курицы.

– Чего? – переспросил я, все прекрасно услышав в первый раз.

– Курительные смеси говорю, интересуют? Спайсы, план, гаш? Могу телефончик дать ребят одних, позвонишь, закажешь.

Вот он сука, та самая жертва!

Дебил работает не только раздавая рекламки, в душном уродском костюме курицы, но еще и помогает каким то засранцам распространять дурь. Я наркотики не употреблял никогда, да и включать их в часть своего рациона не собираюсь. Тех, кто ими занимается, я не переношу на клеточном уровне.

Левым кулаком в перчатке, я ударяю со всей силы в рот этому козлу, или, в то, что, как я подумал, было под костюмом его ртом. Затем с бешеной скоростью, наношу ему с правой и левой, серию не слабых ударов по корпусу. Дебил в костюме курицы падает на сырой асфальт, словно мешок с дерьмом.

Отличная штука, этот энергетик с гуараной.

Прохожие вокруг, свидетели моей нелепой драки с пернатым лохом, громко возмутились, кто-то меня материл, кто-то звал полицию. Так или иначе, а мент и вправду объявился, да только был он аж на другой стороне, с другого выхода из метрополитена. Что-то мне кричал. Я задержал на нем взгляд, презрительно улыбнулся, показал ему средний палец и рванул с места, дворами к дому. Куда ему угнаться за мной.

Через пять минут пробежки, я был во дворе своей многоэтажки.

Шел и думал о мусорах. К ним у меня всегда было отвращение. И дело не в их лоховской работе, а просто как к людям. Я всегда считал, что в их касту вступают лишь особые типы, которых били и опускали в школе одноклассники и теперь, вся эта шайка недобитков, повзрослев, получив удостоверение и напялив на себя форму, может наконец отомстить всему миру, который был так с ними несправедлив когда-то.

Они ведь только и могут, что применять силу, когда ты в наручниках и не можешь им ответить. Я был у них в отделе и это прямое тому доказательство.

Вместо того, чтобы цепляться к нам, простым парням с пустыми карманами, ловили бы настоящих преступников. У нас на районе продолжает процветать педофилия и наркомания. Занимайтесь, ребята теми, кто шатается по утрам у детских площадок и караулит детишек, оставленных без присмотра, а так же теми отбросами, которые курительные смеси, гаш и прочую гадость в нашем парке распространяют. Все всё прекрасно знают, но всё без толку.

Я ненавижу их всех! Я против всех! Я Макс Сазонов!

6.Стас

Просыпаюсь у себя в кровати, чувствую себя хуже просто не бывает. Во рту дикий сушняк, тошнит, в голове сверлит, как на приеме у зубного. С горем пополам заставляю себя, открыть глаза и вижу, как открывает дверь в мою комнату матушка. Вид у нее недовольный, руки скрещены на груди, сейчас будет мне сворачивать кровь.

– Выспался? Тунеядец мой? Доброе утро. У тебя хотя, смотри, оно не слишком доброе... – говорит она.

– Привет мам. – сказал я и уселся на кровати. – Как дела?

– У меня-то все замечательно. Сам как? Голова не болит? Весь день валяться в постели собираешься?

У меня все болит. И голова, и тело все ломит. Но как я могу ей об этом поведать. Я готов провалиться на этом самом месте. В таком состоянии находиться рядом со своей горячо любимой матушкой выше моих сил.

– Когда ты будешь думать о завтрашнем дне? У тебя ведь был потенциал, а ты все похерил. Ведешь образ жизни, как твой ни на что не годный папенька. За что ж мне вся головная боль эта? Один на шее сидел...

– Ты говорила, что он работал. В газете.

– Уволили его за моральное разложение. Он в издательском доме и год не проработал. Ничего делать не умел ничемный, вот и приходилось мне тянуть всех, и тебя маленького, и его большого, с бутылкой в руке, приросшего к дивану у телевизора.

– Мам, не начинай! Я тебя прошу! – сказал я нервно, потеряв ноющий затылок.

– Что не начинай? Заладил все время. Не начинай. Не начинай... Только от тебя и слышно. Да мне людям в газа смотреть стыдно. У всех дети как дети. Университеты кончают, учатся...

– И кому нужен этот диплом? Не будь наивной, мы не в совке живем.

– В советское время тебе такую жизнь вести бы не дали. Да да. Боже мой. У всех дети зарабатывают, родителям помогают, семьи свои заводят, а мой... Вырастила тунеядца.

– Мам перестань пожалуйста. – я повышаю голос. – Эт самое... Послушай меня минутку. У меня собеседование в шесть. Я тебе говорил, расфасовщиком. Так что успокойся. Ряды полезных членов общества пополняются. – вру я, не краснея.

– Надеюсь. Я тебе костюм тогда поглажу, чтобы выглядел поприличней. – наивная мать повелась на мою развожуху. – Завтракать будешь?

– Не хочу... – мотаю головой.

– Чего это? Ты голодный идти собрался? Надо поесть. Надо.

– Чаю только хлебну.

Мать вышла из комнаты ставить чайник, а я с большим облегчением вздохнул, поняв, что избежал продолжения очередной промывки мозгов.

Мимо многоэтажек, которые вырастают как галлюциногенные грибы после осеннего дождя, петляю на трамвай я, системный паразит общества. На глазах у меня черные рэйверские очки, но не от солнца, которого и так нет, а для того, чтобы скрыть свои шальные красные глаза. На мне темный пиджак в полоску, брюки и белая рубашечка с зеленым галстуком. Вид вполне официальный. Пришлось так вырядиться, чтобы у матушки, не оставалось никаких сомнений в том, что я иду устраиваться на работу. На улице заметно потеплело и это конечно радует. И еще радует тот факт, что мне удалось сорваться из дома, ведь мое состояние ухудшается с каждой минутой. Чувствую себя ходячим трупом.

Когда я еду в переполненном народом трамвае, у меня начинается паранойя. Мне начинает казаться, что люди, которые едут со мной, обращают на меня внимание, смотрят с усмешкой, презрением. В их головах явно черные мысли. Я стою, держусь рукой за поручень, а напротив меня сидит компания молодых ребят, моего возраста, парни постоянно смеются, может надо мной? Над моим нездоровым видом? Но, ничего, я им сейчас покажу, у меня ведь всегда с собой в кармане опасная бритва, в данном случае я положил ее во внутренний карман пиджака, сейчас я вытащу её и живо перережу острым лезвием глотку кому-нибудь из них...

Вот чёрт... Стоп. Нет, нет, нет, Стас, зачем ты про это подумал? Всё драгс. Проклятая химия. Выкинь из своей больной башки эти дурные мысли и просто наплюй на них. Не думай. Не обращай внимания. Драгс вносит искажения в действительность и получается, что единственный чел с черными мыслями в этом транспорте, это я. Не могу воткнуть, сказал я это вслух или про себя подумал, а может и то и другое одновременно?

Старуха лет семидесяти с двумя сумками, из одной торчит наружу краешек докторской колбасы, начинает отчитывать молодых ребят за то, что они ей место не уступают. Те продолжают ржать во все горло, абсолютно не обращая внимания на нравоучения бабки.

– Прогнившая молодежь! Когда я молодой комсомолкой была, я так со старшими не поступала! У нас было уважение к старшим поколениям! А сейчас что? Вы не будущее нашей страны. Вы все гады и подонки! – сыпала ругательствами, «пенсия» на парней. – Что происходит? Молодые запросто теперь могут послать кого угодно. Это что такое вообще!

Ребята угорали все больше.

Я выхожу из трамвая на нужной мне остановке, осталось теперь лишь перейти дорогу до места встречи. Меня всего трясет, со лба стекает пот. Еще немного и я точно сошел бы с ума в этом террариуме. Чертов драгс. Он забирает намного больше, чем дает, забирает мои эндорфины, нервные клетки, на их восстановление уходит уйма времени, но чем терпеть отходняки, проще ведь взять у дилера еще драгса, закинуться им по новой и снова провалиться с головой в иллюзорную эйфорию.

Перед дверью бара пытаюсь внутренне психологически собраться. Озираясь по сторонам, захожу и вижу, что Пабло сидит за столиком, совершенно один в заведении, не считая бармена, пэтэушного вида.

– Прет. – говорю я и присаживаюсь к нему напротив.

Угрюмый Паша в повседневной своей раста-шапке, сидел с бокалом пива и рисовал ручкой на салфетке обнаженную телку, злобного вида, с сатанинским хвостиком сзади на попке и трезубцем в руках. Парень жил в своем собственном мире.

– Салют... – произносит он и у меня появляется ощущение, что парень либо обожрался транквилизаторов, либо жёстко накурился плана.

Я все время обращаюсь к этому мутному парню. Он мой личный доктор. Я его пациент.

– Как дела? – спрашиваю, меня продолжает колбасить, я нервно затарабанил пальцами по столу.

– Все путем. – сказал он, не отрываясь от салфетки. – У тебя я чувствую не очень.

– А чё, так сильно прямо заметно?

– Аура неблагоприятная от тебя исходит тревожными вибрациями. – продолжал печальным монотонным голосом Пабло. – Надо уметь редактировать в себе негатив.

О чем говорит этот торчок?! Он что, не понимает, что меня накрывает на отходняке. Да он просто издевается. Глаза у него красные, причина вся в дудке стопудово, не иначе.

– Я по моему на сеанс психоанализа к тебе не записывался. – повышаю я голос. – Доктор Фрэйд, ты принес то, о чем я тебя по сотовому просил?

– У тебя предменструальный синдром, или че?

– Критические дни блин. Прокладки супер впитывающие где мои?

– Сначала башли... Налик на стол...

Я вытащил из брюк деньги, положил их на стол, накрыв салфеткой, и подвинул к нему. Мульти поступил тем же образом, подсунув под салфетку рисунком телки-дьяволицы пакетик с порошком кислоты, как мы и договаривались по мобиле.

Срываюсь с места и быстро двигаю в туалет. Перед уходом говорю бармену, который протирал бокал у стойки:

– Сто грамм текилы за тот столик. – я указываю пальцем на место Паши.

– Извините молодой человек, а вам сколько лет?

– Столько, что уже вообще все можно. – произношу я на выходе, и закрыв дверь изнутри, добавляю. – Баран... Очки се купи. Близорукий!

В туалете играла кантри музыка, а именно тупое брэнчание гитаре. Опустив крышку унитаза, я присел на него и достал наркотики. Выложив на тыльной стороне ладони две дорожки, я поочередно втянул их носом.

Приход в пути. Спрыгнув с белого кресла, я подошел к зеркалу и снял очки. Я заглянул в свои расширенные зрачки, которые становились все больше, а по ним, по белкам забегали красные трещинки лопнувших сосудов. Достав из кармана опасную бритву, которую я украл еще в воинской части, у кого-то из местных вояк, я стал размахивать ею, словно нападаю на своего зеркального двойника. Выглядит опаска еще более впечатляюще, чем нож, это уж точно. Драгс начинает действовать, я уже начинаю чувствовать первую волну.

Выхожу из туалета и направляюсь не спеша к столику. По пути, мне кажется, что я не иду, а лечу, ведь мои ноги не чувствуют под ногами пол. Состояние, будто я только что умер, и дух мой, покинув тело лузера Стаса парит где то на небесах.

На столе меня уже ждет текила. Хмурый Мульти продолжает что то рисовать на бумажной салфетке. Я люблю этого парня, я блин, всех люблю на свете, даже того бармена с пэтэушной рожей, который не узрел во мне совершеннолетнего.

– У тебя что-то случилось? – спросил я, уместив свой тощий зад на сиденье. – Ты какой то мутный сегодня, не как всегда.

– Случилось. – произнес Пабло, оторвавшись от телки – дьяволицы и взглянув на меня убитыми укуренными глазами. – Сегодня я лишился одной из важных материй в своей жизни и это печально.

– Твоя крыса сбежала? Я смотрю ты сегодня с собой ее не притащил, разве ты без нее куда ходишь?

– Если бы крыса... Весь понт в том, что я живу, но никому не нужен в этом мире, на меня всем наплевать. На мою любовь, на то. Что я в постели всегда старался...

– Да не мямли ты уже, говори в чем дело! Ну достал. Тебя телка твоя кинула или че? Не нуди, короче, емае!

– Моя старлетка меня покинула. – говорит Мульти, нервно мнет салфетку с рисунком и кидает его в пепельницу.

– Всему виной двести двадцать восьмая или ее социальное порицание по поводу твоей работы, ведь так? – я расплываюсь всем телом в кресле. – Она всегда парила тебя статьей, что тебе светит.

– Она стремалась... Стремалась, что меня в скором времени примут, и пока этого не случилось, чтобы было не так обидно и больно, она собрала свои тампоны, свои платья, трусы с кружевами и зубную щетку и уехала к матери.

Я понимаю, что Паша сейчас будет изливать мне душу. Его торчковский голос начинает оказывать на меня успокаивающий и трансцендентальный эффект. Я смотрю на него, не моргая, с отвисшей челюстью. Кислотный трип накрывает меня все больше.

– И вот теперь я нифига не первый номер в её хит-параде. И ты знаешь, по-моему, все честно и правильно. Моя старлеточка, ягода не моего поля, она образованная, деловитая, а я? Кто я? Нет, ну ты посмотри на меня? Я ничтожество. Наркуша и отброс. Плюс к тому, я зани-

маюсь торговлей наркотиками. Я разбойник. Помнишь такую песенку... Хочешь быть разбойником не люби принцессу? Все верно, черт возьми. Но, знаешь, мое призвание, моя стезя, может быть совсем иная. Например писать картины, рисовать, хотя бы для журналов, книг или, просто для людей... Только фишка в том, что никому в этой стране мазня моя не интересна. Все агентства дружно показали мне фак... Я принял решение уехать Стас, как только получится, так сразу покупаю билет и улетаю в Амстердам. Посмотрим, как там у меня житуха сложится... Может мне повезет. Надо только с банками рассчитаться.

Слова Паши проходят мимо меня, я начинаю чувствовать, как потихоньку уплываю, плавно плыву ко всем местам, о которых я мечтал, видел только в самых лучших цветных снах. Заиграл кайфовый музон в моем любимом стиле. Может еще не все пропало и у меня еще будет что-то клёвое, кайфовое, чистое, счастье, любовь, то, ради чего я когда то открыл глаза и появился на свет.

– Хорош залипать... – сказал Паша и щелкнул у меня перед носом пальцем. – Эй, аллё, ты че, в астрале что ли на самом деле?

– А шо такое? – голос друга вернул меня из ступора моих фантазий.

– У тебя на телефоне рэгги надрывается, а ты сидишь залипаешь.

Я протер глаза, извлек мигающий мобильник из пиджака и уставился на дисплей. Номер на экранчике не определился.

– Буэнос. – произнес я, бодро в трубку.

– Привет. – послышался странный незнакомый мне ранее голос, довольно хриплый и низкий. – Ты не занят?

– Ну в общем то не очень... А-а-а... Эт самое. Кто это? С кем я говорю, я чего то честно говоря не догоняю...

– Это Вика. Fleur de lys. Узнаешь теперь?

– Теперь кажется, начинаю узнавать. Мы ведь с тобой вчера вечером в инэте познакомились? Любительница жесткого секса, плетки, кнуты, кожа... Я правильно понял?

– Правильно...

– А чего у тебя голос такой? Ты че, только проснулась? Или простудилась? Сейчас такая погода галимая, непредсказуемая. То ниже нуля, то выше...

– Нет, я просто много курю. По три пачки в день. Я тебе чего звоню... Как насчет того, чтобы сегодня встретиться погулять?

– Ну я бы с удовольствием... Трёп в инэте это одно, а в реале совсем другое.

– Где? Во сколько?

– Давай через час, в нашем парке? Подходит?

– Хорошо, а как я тебя узнаю?

– На мне будет пиджак, рубашка и брюки. Короче, вид такой официальный, только галстук на мне зеленого цвета, не гармонирующий нифига со всем остальным прикидом, по нему сразу узнаешь.

– А я буду в оранжевой курточке.

– Я понял, апельсинчик. До встречи. Думаю, разберемся... Я так, примерно помню, какая ты из себя на аватарке была.

– До встречи.

Я закончил разговор и убрал телефон обратно в пиджак.

– Что нам нужно... – громко затянул я, щелкая пальцами и дрыгая телом, будто танцую, елозя жопой на кресле. – Нам нужны лишь секс, наркотики и секс! Наркотики и секс! Наркотики и секс!

– А глаза то у ты загорелись... Я так понял, у тебя хорошее мероприятие намечается на сегодня? – спрашивает Мульти.

Я киваю, улыбаясь во все тридцать два.

– Мне сегодня дадут. – сказал я. – Ура! День все лучше и лучше.

– Где выцепил эту телку? На мамбе? Почему уверен, что она даст себя отлюбить на первом же свидании в реале?

– Не на мамбе, на другом сайте знакомств для секса, ты о таком не в курсе. Сама мне первая написала, я тебе говорю, стопудово, она с реальными проституционными наклонностями. Она сама мне вчера писала, что любит трахаться в общественных местах, в лифтах, подъездах. Плюс к тому предпочитает золотой дождь, фетиш, ну короче всякие там извращения. Помешана телка на сексе, точняк! Настоящая нимфоманка.

– Жесть какая-то... – выпучил глаза Мульти. – Ты смотри с ней поаккуратней. Ты сам-то чем-то подобным когда-нибудь в своей жизни занимался?

– Ну, ноги одной фифочку целовал, стопы ей вылизывал... – признаюсь я.

– Мерзость блин... Не продолжай. – поморщился Пабло. – От такого трепса стол хочется заблевать.

– Между прочим, стопы, чувак, это очень сильная эрогенная зона. – говорю я, взяв бокал с текилой и отпив немножко. – Тебе на будущее.

– Слушай, а у этой нимфы, с которой у тебя встреча... Она хотя бы симпатичная или так се?

– Я бы сказал, так себе, на троечку с плюсом. – прищуриваю глаза. – Ты знаешь, мне так давно телки не давали, что я стал не слишком привередлив, станешь таким, после недели воздержания...

– Мда... Неделя это срок серьёзный... Тело ее видел, или только фэйс?

– Я сексозависимый, для меня срок. Видел. В общем, самое главное друг, чтобы эта телка не оказалась толще, чем на фотографиях. И жопа была не жирная. Я погнал.

– Смотри триппера не слови. – произнес мне на прощание Пабло.

– Я знаю. Я после Кати из дурки, без резинки ваще из дома не выхожу. И кстати, по Амстердам, это клёвая идея старик! – говорю я, вставая со своего места на выход. – Я туда тоже хочу, говорят, там кайфово.

Когда я явился на свидание, мне тут же в глаза бросилось то, что в реале «Fleur de lys» не такая стройная, как на фотографиях. Меня это тут же насторожило, но я вполне мог ошибаться, не рентген ведь. Я не мог быть полностью уверен в её полноте из-за того, что она напялила на себя дутую оранжевую куртку.

Девушка сидела на парковой скамейке и кормила с руки дикую белку орешками.

– Вика? – подхожу я к ней и обращаюсь.

– «Фердинант»? – произнесла она, вставая со скамейки.

Белка дала деру от неё по ближайшему дереву вверх.

– Меня зовут Стас.

Я обратил внимание на её губы. Они выглядели очень неестественно, так, будто внутри там имплантанты.

– Куда хочешь пойти? Может в кафэ? Или просто по парку или городу пройдемся? – предлагаю я девушке.

– Зачем время зря терять? Пойдем ко мне?

– К тебе? Вот так вот прямо сразу? – с усмешкой, говорю я.

– А ты меня чего, боишься?

– Нисколько.

– Тогда гоу.

«Раскованная девушка.» – сделал я вывод. «Такая мне подходит. Не зря торчит на подобных грязных сайтах, на одном из которых я с ней и познакомился.»

Мы двинули к ней в гости на пару палок.

Чем вот бесит меня осень, так это тем, что тёлки чересчур закутаны. Ни черта не понятно, что там тебя ожидает под оберткой, пока не притащишься с ней на хату и не откроешь, да только в этот неловкий момент будет слишком поздно.

Мы заходим в её апартаменты, она снимает свою оражевую куртку, я снимаю очки и вдруг резко начинаю понимать, что мне срочняк надо влить в себя катастрофически много алкоголя. Мои сомнения по поводу её комплекции оказались пророческими. В чем мы всегда были полностью с Даном и Максом согласны, так это в том, что нет ничего хуже толстой тёлки. А ведь, если верить личным данным в её анкете, то ей всего лишь двадцать лет, но молодые тёлочки всегда смотрятся старше своего паспортного возраста, потому, что жир убивает все признаки молодости.

Рыхлая любительница фетиша из интернета, грубо хватает меня за зеленый галстук, тянет за него и проводив в свою комнату, резко кидает на большую растелянную кровать. Сама не долго думая, наваливается на меня верхом, всем своим весом, и целует, глубоко проталкивая свой язык в мой рот и скользя им по моим зубам.

Но, я пока к сексу не готов, мне необходимо выпить, однозначно. Еле оторвав её губы от своих, я произношу запыханно:

– У тебя что-нибудь выпить есть?

– Да, есть конечно. – произносит нимфоманка, вставая с меня. – Прости, я забыла про гостипреимство.

Девушка открывает мини-бар в шкафу и достает оттуда стаканы и бутылку виски.

Я спасен!

– Угощайся. – произнесла Вика, с улыбкой на лице, протягивая вискарь.

Я тут же разливаю напиток по стаканам. Даю один ей, другой беру в свою руку и говорю торжественно:

– За знакомство. – улыбаюсь я, слегка наигранно.

– Ты такой сладенький, симпатный, худенький правда немного. – девушка оценивающе оглядывает меня похотливыми глазами.

– Углеводов мало потребляю. – отвечаю я, одновременно подумав, что у неё то как раз явно в рационе углеводный переизбыток.

Мы чекнулись и выпили.

– Как ты относишься к фетишу? Садо-мазо любишь? Нестандартные игры?

– Да я даже не знаю. Я ничего не могу сказать, так как никогда этим не занимался.

– Попробовать хочешь?

– Ну в жизни все надо попробовать по идее... Можно... Можно... – мямлил я. – Но, только без золотого дождя, это не по мне. Ваще.

Нимфоманка вульгарно посмеивалась.

– Подожди меня. Я скоро буду. – сказала Виктория, поставила свой стакан на стол, и похлопав меня по щеке, удалилась из комнаты.

Я быстро схватил бутылку, как только она покинула комнату, и начал с жадностью хлестать алкоголь из горла.

У меня не было сексуальной связи неделю, поэтому я изголодавшись, вынужден согласиться и на этот малопривлекательный вариант. Выпив полбутылки вискаря, я ослабил на шее галстук, стягивающий мне шею, скинул брюки, затем сделал на столике две дорожки и отправил их в свою топку. Алкоголь и дурь здорово ударили мне в голову. Я потерял моментально задеревеневший нос и посмотрев на шкаф, заметил там лежащую черную кожаную маску в стиле садо-мазо. Не знаю, к чему у меня в голове тогда промелькнула мысль её надеть. Но, у меня ведь белый билет, и это доказывает, что мне простительны любые экстраординарные выходки.

Напялив на голову кожаную маску, с бутылкой виски, в пиджаке, без штанов, в одних только плавках, на которых изображены ржачные скелеты в различных позах камасутры, я вышел на балкончик покурить. На улице стало тем временем совсем темно. Стылый осенний вечер накрыл наш большой чудный город. Я вставил в зубы сигарету и вспыхнув зажигалкой, кляксой огня, прикурил её, любуясь видом с балкона на город, потонувший в сумерках тьмы.

– Тьфу... Голубиное гнездо. Ниче святого у современной молодёжи нет... – услышал я вдруг чей то прокуренный баритон, от которого нервно вздрогнул.

Повернув голову в маске вправо, я узрел на противоположном балконе мужчину лет пятидесяти, который, как и я, вышел побаловаться никотином на свежем воздухе. Сосед был явно под шафэ, стоял качался в белой майке и трениках, типичный российский вариант Гомера Симпсона, который работает где нибудь на заводе и время от времени надирается пивом, ругая вечерами власти в телевизоре. Я решил не обращать на него внимания.

– В наше время такого не было... – не унимался ворчливый сосед. – Голубцов сажали.

Я выпустил дымок, подумав, что мужик просто комментирует мой идиотский вид. Но причем здесь «голубцы»? В этих словах я связи не видел.

– Охиреть можно... – мужчина шумно вздохнул.

– Отчего? – спрашиваю я, снимая с лица маску, сквозь которую так плохо говорить. – Отчего можно охиреть, уважаемый? Ты о чем?

– О том, что с ума вы все совсем походили! Хорошо, что ваши гей-парады хотя бы отменили! Хоть одно радует.

– Ты че несешь блин. Ты меня гомосексуалистом только что назвал? Я не понял!

– А как мне еще тебя назвать радужный козел?

– Какого? Какого? – я перехожу на повышенные тона. – Ты сделал такой вывод, пьяная твоя рожа? Не получал давно?

– Что ты делаешь в этой квартире? Каким ветром тебя сюда занесло?

– Я познакомился с девушкой в интернете, встретился с ней в реале, она любезно пригласила меня к себе в гости на пару палок, я согласился, пришел, выпил, вышел выкурить сигаретку на балкон, увидел на соседнем балконе тебя, и теперь вот слушаю всякий бред, что ты не несешь! – слова выстреливали из моих уст, словно пули из АК-47.

– А ты в курсе, что ты не совсем к девушке пришел в гости, соколик?

– Ну, я наверное совсем даун, не могу девушку от парня отличить. Ты меня достал, иди с телевизором трепись! – я выкинул докуренную сигарету вниз и собрался уходить.

– В общем то это не совсем парень и не совсем девушка. В наше время можно и не различить.

Я, почувствовав комок, подступивший к горлу, решил не уходить, а дослушать.

– Однажды в России, в Столице, родился мальчик, которого назвали Витей. С раннего детства Витя был не такой, как его сверстники, в отличие от них, он не любил играть в солдатики, а любил куклы, не любил штаны, любил колготки, когда другие мальчишки в драках получали синяки, он глазки свои карандашиком маминым подводил и губы красил, ну и наконец, заглядывался он совсем не на девичьи зады. Родительское порицание не помогало, рос Витя педерастом и мечтал когда нибудь поменять свой пол, потому, что считал, что не тем родился. Как только родители отдали концы Богу, он, с тех денег, что они оставили ему в наследство, сделал себе операцию и осуществил тем самым давнюю мечту. – таков был рассказ соседа. – Отрезали ли там у него все, я не знаю, но факт остается фактом.

У меня отвисла челюсть от услышанного. Я понял, что нахожусь в квартире трансексуала и мной тут же овладела маниакальное желание покинуть это место, опасное как Чернобыльская АЭС, с её жителями-мутантами.

Не дослушав рассказ мужчины, я рванул обратно в комнату, поставил бутылку на стол, кинул в сторону маску, надел на глаза очки и хотел было схватить штаны, которые валялись

у кровати, но это действие у меня не вышло. Я резко замер на месте, когда увидел Это. Транс-сексуал и извращенец, упакованный в кожаный корсет, ужавший его талию чуть ли не до 15 см в окружности, вошел в комнату и вперил в меня такой хищный взгляд, какой бывает у охотника на дичь. В руках у него я заметил стек, коими обычно погоняют лошадей, как то я зырил по ящику такие в руках жокеев, когда по каналу спорт передавали скачки.

Ох, чёрт, вот это реально самый неловкий момент...

– Вика... Вика... Твою мать... Виктор! – заговаривался я от неожиданного. – Как мне тебя называть то теперь?

– Называй меня госпожа...

– Мне в общем бежать надо. Я кое чё вспомнил. Ты извини, ты конечно замечательный человек и ты...

Транс не слабо хлестанул стеклом мне по голой ляжке.

– Ты че дичь, сука, больно! – крикнул я. – Я короче... Сваливаю.

– Никуда ты не денешься. – говорил трансексуал, перегородив мне дорогу, так, что я не мог пройти к выходу из квартиры. – Никуда не денешься пока тебя не трахнут!

– Меня трахнут? – вытаращил я глаза на извращенное создание. Такой херни мне еще никто не говорил.

Схватив бутылку виски в левую руку, я задом попятился к балкону.

– Бон вояж, фрик! – с этими словами, я машу трансу на прощанье ручкой и катапультируюсь вниз с балкона. – Страпон се купи уродец!

Последовала идеальная посадка на пожелтевший газон. Когда я был подростком и паркур был дико моден, я освоил пару фишек, которые сейчас вспомнил и еще мне повезло, что квартира извращенца находилась на втором этаже. Очувившись на земле, я быстрым шагом устремился прочь. Подальше от этого дома ужасов. Еще никогда я не оказывался в таком дурацком положении. Я настолько был растерян с этим чекнутым фриком, что просто не знал, что делать. Мокасины и брюки остались в квартире, поэтому я иду в розовых тапках, без штанов, но в пиджаке и очках. Для полной ясности моего образа, мне остается набить себе на лоб татуху «Реальный мудозвон», ведь только я мог попасть в такую ситуацию.

Мне раньше доводилось слышать про людей, меняющих пол, про то, как мужчинам вводят женские гормоны, такие как эстроген и прогестерон, про операции на горле и голосовых связках, после чего у этих типов исчезает «адамово яблоко», про удаление детородного органа и вагинопластию, но разве я бы мог подумать, что окажусь когда-нибудь с извращенным подобием этой темы, да еще и в одном помещении.

Я сделал большой глоток виски и прополоскал свой рот, в котором еще совсем недавно трас орудовал языком. Противно сморщившись, я сплюнул на асфальт.

Люди на меня пялились, будто увидели марсианина, оборачивались, смеялись, свистели вслед, шептались друг с другом. Я свернул с дороги, ведущей к метро, в таком виде на нем ехать не рекомендуется, запросто могут сцапать мусора, потом дурка, на меня снова напялят смирительную рубаху, а я этого не хочу ни разу. Благо до дома не слишком далеко, можно и пешком пройтись, да и на улице не холодно. Плюс ко всему, пока доберусь, матушка ляжет спать и не увидит этот позор.

Когда я проходил мимо фонтанов, вдруг увидел молодую пару. Парень с девушкой, мои ровесники, сразу понятно влюбленные, обнимаются, целуются, на фоне сияющих всеми цветами неоновых фонтанов. У этой парочки, полностью поглощенной своим интимным занятием, сто пудово все ништяк, без наркотиков и алкоголя. Мне подумалось, а когда я сам

вот так вот с тёлкой был, чтобы не упоротый драгсом и не в пьяном угаре? Да я забыл когда такое было, зачем врать самому себе и отмазываться. Я погряз в дерьме и грязи по уши.

Я прошел мимо молодых влюбленных, хлебнул из бутылки, и в душе ох как, позавидовал им в этот едва ли не самый странный в моей жизни вечер.

7.Макс

С самых ранних лет мой отец старался вырастить из меня бойца, вбивая мне и моему брату в мозг, трактаты о том, что на самом деле, правды можно добиться только силой. Мою мать кидали по тюрьмам, мне и трех лет не было, когда ей дали срок. Я не знаю, как она выглядит и какая она. Я не писал ей писем и от неё их не получал. В отношениях игнор, поэтому нашим воспитанием занимался папа... Нам с Ильей, в отличие от других стандартных семей России, где воспитывают детей женщины, выпала иная судьба. Мне исполнилось десять лет, а Илюхе двенадцать, когда наш старик купил нам боксерские перчатки. Мы с братом частенько стали спарринговаться. Систематично выигрывал Илья, оно и понятно, он был старше меня, на его теле стали появляться крепкие мышцы. В моменты поражений, мне приходилось часто размазывать по щекам капли слез от обиды и боли. Брат оставлял мне на лице не мало синяков и царапин. Но, не смотря на это, я его не ненавидел. Он всегда за мной в школе присматривал, заступался, когда на меня наезжали ребята из старших классов. Отец всегда говорил, что его парень Илья, это он сам в молодости. Такой же горячий и дерзкий.

Как сейчас помню, как наш старик, влив в себя банок десять пива, а то и больше, в святой день недели, воскресенье, живописно описывал нам истории своей бурной молодости, как он там подрался, выбив одному передние зубы, как он здесь подрался с двоими, сначала вырубил, а потом их бил друг об друга лбами. Со стариком не приходилось скучать.

Эти оба помогли мне со временем понять одну простую теорию, нужно постараться стерпеть физическую боль, принять ее как должное, как необходимость, и тогда ты будешь запросто владеть любой ситуацией. Я снял розовые очки и с яростью растоптал их ногами. Научившись терпеть, многие страхи ушли, я понял, что заставляя чувствовать боль своему противнику, я выигрываю по всем статьям. Люди бояться боли, во всяком случае большинство, это и делает их слабыми. Я перестал плакать, когда получал по лицу перчаткой от брата, а так же когда в школе одноклассники собирались всем классом (один на один кто либо из класса со мной выйти на драку боялся) и колошматили меня после занятий, моя кожа потеряла былую чувствительность. Я больше никогда не плакал. Когда спарринговались с братом, ему все сложнее становилось победить меня, я здорово стал задавать ему жару. Одноклассники входили в ступор от моей железной выдержки.

«Только силой можно добиться правды, только так ты заставишь других себя уважать» – твердил мне без конца отец. И я начал в это верить.

На сегодняшний день и мой старик и брат покинули меня в этом мире, а я, вместе с фанатами маршируем на кровавую бойню. Нас около пятидесяти рыл. На шее у меня белая рафатка, на теле черная кофта Pit-bull, в правом её кармане свинчатка, в левом лежит кастет. Самыми первыми из нашего моба, шагаем мы с Никитой, сзади нас парни лакают пивас и коктейли, горланя на всю округу футбольные гимны. Но, настроение далеко не у всех веселое, многие находятся в состоянии дикой фрустрации, из-за такого позорного проигрыша команды, честь которой мы отважно идем защищать из местного бара, где только что лицезрели неудачный матч.

– Я уничтожу этих ушлепанов! – громко говорит заведённый Никита. – И никакая неотложка, сука, не откачает! Всех положу уродов!

– Набери нашим разведчикам, где сейчас их моб? Может, сорвалось всё и они уже давно на метро по домам разъехались. – говорю я.

Бык, приняв к сведению мой совет, вытаскивает из куртки мобильник, с треснутым посередине экраном, и набрав номер наших засланных парней, прикладывает его к уху.

Прохожие, попадавшие нам по дороге, подозрительно оглядывали наш отряд оголтелых фэнов, браво шагающих вперед.

- Молчат разведчики наши... – сказал Бык, убирая телефон от лица.
- Облом что ли? – расстроено произнес я. – Первый раз с вами двинул и че теперь?
- Неее... Я не допущу. Ты сегодня по любому у меня девственность потеряешь.

Не парься.

Никита снова приложил телефон к уху, набрав тот же номер. Кто то из наших парней выкинул в сторону пустую пол литровую бутылку на асфальт, та разбилась. Я сплюнул под ноги. Снег, меленький, словно тополиный пух парил в воздухе.

- Если валева не будет, то за каким хером я удар тренировал всю неделю... – сказал я.

Вдруг Бык, узрев что то впереди, остановился, вытаращив глаза и медленно убрал телефон от уха.

– Тормози-и-и! – крикнул он и поднял руку вверх, давая понять толпе, чтобы те остановились.

Гул, создаваемый парнями из нашего моба утих. Я посмотрел вперед и начал понимать его реакцию. Огромная толпа болельщиков ненавистной нами команды, шла на нас. У Быка задержался правый глаз в нервном тике.

– Нас подставили. Их по любас больше! Кто то предупредил их о том, сколько нас. – сказал он.

- Шафки... Нас предали! Подстава! – крикнул кто то из карланов.

Гул и крик надвигающейся на нас толпы, становился все громче и громче. Подонки приближались. Такая ситуация была для меня в новинку. Внутри меня всё дрожало от возбуждения. Крошечная снежинка зацепилась за ресницы моего вытаращенного карего глаза и тут же растаяв, пропала.

Никита вытащил из куртки маску, изображавшую Минотавра, и одевая её на лицо, сказал:

– Кто отступает, тот умирает. Мы никогда не сваливаем! – в глазах парня, через маску, читалась ненависть. – Сечёте бойцы?

Я вспомнил одну индейскую легенду, описанную в одной из книг, о том, что рано или поздно какой-нибудь юноша увидит во сне маску и, проснувшись, он должен приняться за работу, либо найти, либо вырезать тот облик, что привиделся ему во сне. И, вступая в схватку, он должен одевать эту маску, чтобы точно одержать победу.

Я натянул свою арафатку на нос, закрыв тем самым пол лица, как ковбой из ретро-вестернов в сценах ограбления банка. Некоторые ребята, последовав примеру Никиты, надели маски. У кого то причина в том, чтобы скрыть своё лицо от врага и не быть запомненным и затем пойманным толпой в метро, у кого-то причины иные, просто для дури... Напряжение в нашем мобе растёт, их толпа скоро сольётся с нашей. Наши парни стали вооружаться, доставать из курток бейсбольные биты, надевать на руки кастеты, как к примеру я.

– Парни! Заставим этих отбросов ссать кровью! – кидается наш Минотавр вперёд, а мы все за ним.

Я бегу за Никитой, рядом со мной Антоха Соболев. Антон размахивает цепью, вытаращив чёрные горячечные глаза, как у настоящего маньячины. У него, как и у Быка уже была однажды судимость. Сзади надрывает глотку Лёха Белый, из ультра-правых, у него знак свастики на шее выгутаирован. Все они те, кого в СМИ называют плохой молодёжью, и сегодня я с ними вместе.

Два моба сливаются в один. Я бью одному из первых парней – кулаком с кастетом так сильно, что сразу посылаю его в нокаут. Бью второго подонка, третьего, кулак приобретает ярко-красный цвет. То, кого я бил, если сразу не падал, отвечал мне ударом на удар, но я будто не чувствовал ощущения боли. Попался под руку один из фэнов, я вижу в его глазах самое сильное и древнее чувство – страх, потому, что он боится боли, в отличие от меня. Меня впирает от удовольствия этой детали. И вот, он уже на земле, лежит, обливаясь кровью, держит сломанный мною, нос.

Более двух сотен кроссовок топтались на асфальте в пасмурный воскресный день. Ребята, разбрызгиваемые страстью и ненавистью, махали битами, валили и втоптывали друг друга в землю. Прохожие, разинувшие рты от этого зрелища, обходили нас за сотни метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.